

давно хотел обратиться к ней. Я работаю с великолепным пианистом Ивари Илия, с его подачи мы и включили в программу пять романсов Метнера, которые хорошо оттеняют произведения Чайковского и Рахманинова. Я рад, что эту программу услышала екатеринбургская публика. Прекрасно помню ее реакцию на мои прежние концерты, знаю ваш великолепный зал и музыкальные традиции, живущие в городе. Единственное, о чем сожалею, что не могу появляться здесь чаще.

К слову о Метнере. Свердловская филармония – первая в России провела фестиваль, включавший в себя четыре фортепианные концерта замечательного русского композитора, незаслуженно забытого. Прозвучали его вокальная лирика и фортепианные произведения.

- Приятно, что я укладываюсь в ваш метнеровский формат.

Вас называют человеком мира, но для нас вы остаетесь русским. Как удастся сохранить русское в себе и своем творчестве, живя и работая за границей?

- Живу я там, где работаю. И в России чем дальше, тем больше. И рад, что предоставляются условия и возможности для гастролей. Благое дело для меня. Мне, русскому человеку, приятнее всего выступать перед русской публикой, и я это не скрываю. Я не последний певец, и мне есть что сказать и что показать нашим любителям музыки в разных областях и разных жанрах вокального искусства.

Ваши дети растут и учатся далеко от России, какие-то книги из собственного детства вы читаете им?

- В моем детстве я не помню такого количества книг и игрушек, что есть у моих детей. Я стараюсь им читать. Когда меня нет дома, женщина, что смотрит за ними (она – русская), по моей просьбе читает и разговаривает с детьми по-русски. Поэтому все мои дети прекрасно говорят и по-русски, и на других языках.

Чтобы стать звездой мирового уровня, нужно по-прежнему уехать из России?

- Я не знаю. На примере других стран то же самое случается. Те же Карузо, Паваротти, другие великие музыканты доказывают своим соотечественникам, что они любимы и велики не только в их глазах. Они разрушали стереотипы человеческого понимания, недоверия. Наша профессия не имеет особой территориальной принадлежности. Музыкант, как правило, выступает в разных странах, и чем больше стран – тем он больше обогащается, постоянно происходит обмен. В этом я не вижу ничего дурного.

Есть ли у вас секреты сохранения, сбережения голоса?

- Есть. Но на то они и секреты, чтобы оставаться ими.

Многие музыканты сетуют, что в России интерес к академической музыке слабее, чем на Западе...

- Я так не считаю. Может быть, отношение другое... Но в целом Россия в лучшую сторону отличается любовью к классической музыке, искусству в целом. Оно продолжает быть частью нашей жизни, нашего самосознания, мировоззрения. Важно поддерживать и культивировать это в молодом поколении. Это прекрасная традиция, поэтому я стремлюсь выступать перед русской публикой. Отдачи такой, какую получаешь в России, нигде больше не встречаешь. Даже в самых любимых и часто посещаемых залах.

В прессе вас называют национальным достоянием России. Как вы к этому относитесь? С гордостью, с иронией или испытываете другие чувства?

- Я к этому отношусь с гордостью, иронией, иногда испытываю другие чувства. Вы не представляете даже какие... Что подделаешь? Как человек публичный не могу закрыть ваши глаза и ваши рты, указать, как называть меня или не называть. Называйте как угодно, главное, не отворачивайтесь от классической музыки, пропагандистом которой я являюсь.

Вы можете вспомнить самое неожиданное предложение, которое получали?

- Сниматься в кино. В первый раз это было достаточно неожиданно. Хотя каждый из нас, глядя кино, ставит себя на место главного героя. Когда предложили провести мастер-класс впервые, было неожиданным. Я думал, что сам еще ничего не знаю. Оказалось, что сделано уже достаточно и опыт есть, чтобы удивить толпу людей, смотрящих тебе в рот и ждущих от тебя каких-то вокальных панацей.

Чему вы учите на своих мастер-классах, участвуете ли в дальнейшей творческой судьбе своих учеников?

- Не дай бог! Никого я не учил и не пытаюсь выучить! Я просто делюсь своим практическим опытом. Мастер-класс – это процесс. Вообще, люди очень ранимы. И влезать в чью-то технику... Я ни в коем случае не делаю этого и боюсь этого. Единственное, что могу делать – работать над определенной фразой, произведением, задачей, не влезая в вокальную технологию. А за многими молодыми талантами слежу, стараюсь принимать участие в их судьбе. В частности, вашу Катю Сюрину давно знаю, дружу, поддерживаю, как могу. Она выросла в прекрасную, обожаемую всеми оперную звезду, которая поет по всему миру. Я надеюсь, что и у вас тоже...

Нет...

- Безобразие. Я ей скажу.

Как бы вы распорядились двумя свободными неделями?

- Я бы взял семью и отправился в Италию, в Сардинию, к морю.

В условиях всеобщего обожания и почитания трудно не расслабиться и не приобрести звездную болезнь. Есть рецепт от этой напасти?

- Продолжать подбирать себе репертуар и думать об этом постоянно. Тогда звездная болезнь отступит на второй план. Она случается у каждого. Была у меня, и я этого не скрываю. Переживал, страдал, были провалы в карьере... Помогла моя целеустремленность, понимание, что определенные планы должны быть выполнены, а роли сыграны, выучены, спеты.

Современная опера – больше шоу, нежели вокальное искусство. Так считают критики, музыковеды. Вы с этим согласны?

- Категорически нет. И пока такие, как я, несогласные объединяются и каким-то образом борются против этого, жанр оперы будет жить.

А как вы относитесь к опере в кино? Это средство популяризации трудного жанра, или опера в кино может быть самостоятельным произведением, как, например, «Аида» Дзеффирелли?

- Я к подобному отношусь с большим энтузиазмом. Эта прекрасная практика началась в моем любимом театре Метрополитен-Опера с приходом нового директора. Он встречался с ведущими артистами, спрашивал о планах. Мы говорили о показе оперных спектаклей в специальных театрах, где есть возможность передачи высококачественного звука и изображения. Речь шла о трансляции по США, Японии, странам Европы. В прошлом году это произошло и вызвало необычайный резонанс в музыкальных кругах не только Америки, но и всего мира. Получилось очень интересно. Я считаю, что за этим будущее, и такую практику нужно проводить повсеместно. За кинематографом и телевидением будущее, и опера как жанр, который включает в себя элементы кинематографа, должна развиваться в ногу со временем. Будущее оперы еще и в том, чтобы исполнители молодели, не теряя при этом секрета мастерства оперного пения, которое я считаю уникальнейшим даром человеческим. Постановка голоса – удивительно тонкий, трудоемкий и длительный процесс. Поверьте, настоящее оперное пение и настоящий оперно звучащий голос – совершенно уникальные вещи, способные производить потрясающий эффект. Для того, чтобы так петь, нужно очень долго учиться.

Сейчас многие музыканты, артисты занимаются чем-то «вне амплуа». Вам бы хотелось поучаствовать в проектах, связанных с этнической или рок-музыкой?

- Конечно, почему нет? Жизнь-то одна, и заикливаться на чем-то одном не стоит. Жизнь полна удивительных сюрпризов и многогранна. Главное, чтобы это

совпадало с тем, что ты можешь и умеешь делать. Так что этих вариантов я не исключаю.

В связи с этим: музыка каких стран и народностей находит у вас наибольший отклик в душе?

- Русская, наверное, все-таки. Я – русский человек и отвечаю в полной степени за ту продукцию, которую произвожу. В частности, фольклорная музыка всегда меня интересовала, литургии всегда были интересны. Потому, в тур духовной музыки, который сейчас готовится, я надеюсь, нам удастся включить Екатеринбург. Мы уже давно разговаривает с хором академии Попова о проведении подобного тура по России, где бы мы исполняли литургическую и русскую народную музыку вместе а капелла.

Вы сказали, что наша публика самая лучшая. Но меняется страна, меняются люди. Изменилась ли публика?

- И да, и нет. Публика – это не какая-то константа. Один человек уйдет, другой придет, с ним появится что-то другое. Поэтому говорить определенно, тем более со знанием дела о том, что такое публика, я не берусь и не хотел бы. Да, я вижу чаще в России на своих концертах более молодые лица. Это очень приятно, и потому стараюсь изо всех сил. Во многих театрах мира, допустим, в Америке, на открытии сезона или на премьере лишь одни седые головы. Эта генерация любителей классического искусства скоро уйдет. Хотелось бы, чтобы и другая публика приходила, молодая, интересующаяся. Конечно, оперное искусство – музейный жанр, но ничего лучше, чем, например, «Пиковая дама» Чайковского, не может быть написано. Я не думаю, что человечество сподобится на что-либо подобное. Может, напишут, но это будет другой жанр. А то, что уже есть – нам нравится, это написано для человеческих голосов. То, что воспитывает человеческие голоса именно в жанре оперного пения – замечательно. А что касается публики – нужно долго готовиться к тому, чтобы понимать оперное искусство. Это не жевательная резинка, это искусство, заставляющее вас переживать, страдать, плакать. Это тяжелая вещь. Не хочется иногда этого делать, я по себе знаю. Но когда это случается, вы становитесь лучше, чище, а это и есть главный результат искусства.

Наталья Подкорытова